

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Муллонен Ирма Ивановна

УДК 413.11=945.431

**ГИДРОНИМИЯ БАССЕЙНА
РЕКИ ОЯТИ**

10.02.07 Финно-угорские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ТАРТУ 1983

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР

Научный руководитель: доктор филологических наук
Керт Г.М.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Алвре П.Ю.

кандидат филологических наук
Суханова В.С.

Ведущее учреждение: Ужгородский государственный университет

Защита состоится " " ..... 1983 г.
в .... на заседании Специализированного совета
Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора филологических наук в Тартуском государственном университете
/г. Тарту, 202400, ул. Юликооли, 18/.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Тартуского государственного университета.

Автореферат разослан " " ..... 1983 г.

Ученый секретарь *Х. Рятсеп* профессор
Специализированного совета Х.К. Рятсеп

Реферлируемая работа представляет собой исследование одной из гидронимических подсистем северо-запада Европейской части СССР - гидронимии бассейна р. Ояги (Ленинградская область).

Актуальность исследования. Задача топонимических исследований является одной из важных на нынешнем этапе развития прибалтийско-финского языкознания. Она успешно решается на финском и эстонском материале, в последнее время появилось исследование по карельской - ливвиковской - топонимии. Между тем вепская топонимическая система не становилась до сих пор объектом всестороннего лингвистического анализа. Исследования последнего десятилетия в области вепского языка послужили той основой, на которой стало возможным изучение вепской ономастики.

Объектом описания является один из наиболее значительных топонимических классов - гидронимия. Хотя гидронимия в связи со спецификой самих географических объектов и в силу закрепления ее на картах, в списках и т.д. меньше других разрядов географических имен подвержена забвению, все же определенная часть менее устойчивых наименований, сближающихся с микротопонимическим уровнем, исчезает с изменением социальных условий жизни. Необходимо учитывать и тот факт, что с ослаблением коммуникативных связей вепского языка, особенно в среде молодого поколения, местные названия уходят из вепского словоупотребления, сохраняясь в лучшем случае в адаптированной русской форме, а зачастую полностью выпадая из топонимической подсистемы. Отмеченными выше обстоятельствами обусловлена необходимость скорейшего сбора и исследования гидронимов.

В связи с широко развернувшимся исследованием топонимики Европейского Севера, в которой находит отражение явный прибалтийско-финский (отчасти, возможно, вепсский) субстрат, представляется своевременным и важным выявление особенностей функционирования географических имен в двуязычной среде, а также способов адаптации русским языком вепсских наименований. Возможность наблюдать эти процессы в живом современном состоянии на территории Прионья помогает в реконструкции явлений, проходивших в отдаленном прошлом в топонимии Русского Севера.

Актуальность предпринятого нами исследования определяется также тем, что в условиях полного отсутствия ранних письменных памятников топонимия и особенно наиболее устойчивый и в силу этого наиболее древний ее пласт — гидронимия является ценным языковым свидетельством прошлого. Она важна не только как языковой источник, но и в плане выявления некоторых черт исторической и этнической ситуаций на исследуемой территории. В условиях, когда далеки от разрешения многие вопросы этнической истории вепсов, топонимика, помогающая установить границы былого расселения народов, пути колонизации ими отдельных территорий, следы контактирования, имеет исключительное значение.

Научная новизна. Топонимическая система Прионья не подвергалась до сих пор ономастическому исследованию. Лишь отдельные разрозненные географические названия попадали в качестве иллюстративного материала в труды по прибалтийско-финской и субстратной топонимике Русского Севера.

Научная новизна прослеживается также в выборе объекта исследования. В предлагаемой работе практически впервые в прибалтийско-финской ономастике систематическому анализу подвергается гидронимия как особый класс географических названий. Особое внимание в работе уделяется таким неразработанным вопросам как гидронимы вепсского происхождения, функционирование названий в вепсской языковой среде. В диссертации раскрываются также малоисследованные вопросы взаимодействия прибалтийско-финской и славянской топонимических систем.

Выбор ареала исследования. Выбранный нами ареал исследования – бассейн р. Ояты – представляет собой неизученный участок топонимической карты северо-запада Европейской части СССР. Между тем на Ояты располагается самый многочисленный куст древних вепских поселений, что создает благоприятные возможности для исследования вепского пласта местных названий.

Вепсы, представители западных говоров среднего диалекта, проживают в настоящее время в верхнем и частично среднем Приольтье. Нижнее и в значительной части среднее течение реки представлено русскими поселениями с обрусевшим этническим компонентом. Гидронимия обрусевшей территории интересна как надежное свидетельство былого вепского заселения, а также в плане выявления способов адаптации русским языком вепских географических имен.

В целом район юго-восточного Приладожья, куда входит бассейн р. Ояты, интересен для изучения истории древней вепси. В науке, в частности, существует мнение, что она сформировалась именно на этой территории. Здесь же произошли нашедшие отражение в топонимии контакты вепси с саамами.

Отмеченными выше причинами и обусловлен выбор ареала исследования.

Источники. В литературе гидронимами считаются названия водных объектов. Иногда понимание термина ограничивается лишь названиями рек, иногда расширяется до включения в него всех отрицательных форм рельефа. Мы включаем в рассмотрение наименования рек и ручьев (потамонимы), озер (лимнонимы), как проточных, так и не имеющих стока, и болот (гелонимы), в большинстве своем тесно связанных с названиями тех рек и озер, к которым они тяготеют.

Картотека гидронимов бассейна р. Ояты, включающая примерно 6 тысяч карточек (более 2 тысяч названий), составлена в основном по данным полевых записей. Сбор гидронимов проводился нами в 1979–1980 гг. в населенных пунктах Подпорожского и Лодейнопольского районов Ленинградской области, расположенных на реке Ояты и ее притоках. Обследованы все современные вепские пункты Приольтья (13). Собран материал

и от жителей некоторых несуществующих в настоящее время вепских поселений (напр. *pažamjärvi, rihamine, värtasär, kathiä, kekär*). Гидронимическому обследованию подверглись также практически все пункты, где проживает в настоящее время русское население (22 пункта).

Помимо полевых материалов привлекались данные различных письменных источников: исторических документов, списков населенных мест, географических словарей, богатая краеведческая литература.

Ценным источником гидронимического материала явились рукописные уездные межевые атласы конца XVIII в. Карты выгодно отличаются от прочих источников наглядностью сообщаемых ими сведений, привязанностью материала к местности, что позволяет устанавливать закономерности пространственного размещения топонимических явлений, их взаимных связей и зависимостей. Карты Генерального межевания особенно ценны в связи с тем, что гидронимы – около 500 названий – зафиксированы в них с учетом особенностей местного произношения и могут быть использованы при сопоставлении с современными данными для изучения динамики развития топонимических явлений во времени.

Наконец, дополнительный материал – в основном новые варианты и формы наименований – дают архивные источники XIX в. по Лодейнопольскому уезду Олонецкой губернии, хранящиеся в ЦГА КАССР.

Задачи исследования. Цель работы – описание гидронимической системы бассейна р. Ояги. Ставится задача выделения вепских и русских структурных моделей, выяснения основных закономерностей их взаимодействия. В работе выделяются основные этнолингвистические пласты гидронимов исследуемого региона и дается семантическая характеристика самого значительного из них – вепского пласта.

Собранный материал исследуется на синхронном срезе, однако при необходимости мы обращались к сравнительно-историческому методу, позволяющему проследить развитие определенных явлений и процессов во времени. Диахронный аспект исследования требовал учета данных смежных исторических наук.

Наибольшее распространение в данной работе получили сравнительно-сопоставительный метод исследования, позволяющий прибегать к сопоставлениям разного рода, в частности сопоставление топонима с топонимом, т.е. помещение анализируемого названия в ряд однотипных имен, сопоставление топонима с апеллятивом, т.е. этимология и т.д.

Внедрение результатов. Изучение географических названий Приюжья, несущих многогранную — лингвистическую, историко-географическую, этнографическую и др. — информацию, имеет помимо научно-теоретического большое практическое значение. В результате проведенного анализа в научный оборот вводится новый топонимический материал, который может быть использован в качестве источника сопоставительных данных при ономастическом изучении смежных территорий, прежде всего, Карелии. Содержащиеся в исследовании наблюдения и выводы послужат базой для дальнейшего изучения вепской топонимики. Топонимические данные исследуемого ареала могут быть в дальнейшем применены при составлении топонимических словарей, использованы специалистами смежных лингвистических и исторических дисциплин. Они могут также привлекаться для изучения вепской лексики, для чтения спецкурса по прибалтийско-финской ономастике в вузах.

Описание гидронимии исследуемого региона способствует установлению норм передачи прибалтийско-финских наименований средствами русской графики, что облегчает работу картографов и работников государственных органов.

Апробация работы. По материалам диссертации имеется несколько публикаций (см. список в конце реферата). Основные положения диссертации излагались автором на региональных ономастических конференциях в Свердловске и Апаттах.

Структура работы. Диссертация состоит из предисловия, введения, трех глав и заключения. В конце приводится список литературы и условных сокращений, а также регистр использованных в работе географических названий Приюжья. В работе помещено несколько схем, отражающих пространственное размещение гидронимов, а также распределение русского и вепско-

го населения на территории Приюжья. Общий объем диссертации составляет 198 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В "Предисловии" обосновывается выбор темы и ареала исследования, характеризуются основные источники, излагаются цели, задачи, методы исследования.

Введение состоит из трех разделов. В разделе "Из истории изучения вопроса" дается обзор основной литературы по вопросу. Основное внимание уделяется работам по прибалтийско-финской топонимии, как исследованиям по прибалтийско-финскому субстрату в севернорусской топонимии (М.А. Castrén, А.Ж. Sjögren, М. Vasmer, Д.В. Бубрих, А.К. Матвеев), так и трудам, описывающим особенности функционирования живых прибалтийско-финских топонимических систем (V. Nissilä, E. Kiviniemi, V. Pall, Н.Н. Мамонтова). Интерес к изучению саамской топонимии (Т.Т. Itkonen, К. Nickul, Г.М. Керг) вызван наличием в гидронимии Ояги географических имен саамского происхождения. Важным при исследовании гидронимической системы оказывается также привлечение работ по проблемам субстратной топонимии Европейского Севера.

Во втором разделе введения дана краткая географическая характеристика Приюжья. Этническая характеристика исконной территории, опирающаяся на археологические, исторические и языковедческие источники, приводится в третьем разделе "Некоторые данные этнической истории Приюжья".

Первая глава "Структурные типы гидронимии бассейна реки Ояги" посвящена вопросам структурного оформления гидронимов. Она включает в себя два раздела, которые вызваны существованием в Приюжье двух типологически разных топонимических систем: вепсской с абсолютным господством словосложения и русской с не менее четким преобладанием аффиксации. В структурном анализе, проводящемся на синхронном уровне, подразделение на вепсскую и русскую гидронимию проводится не по источнику происхождения топонимов, а в зависимости от функционирования наименования в вепсской и русской языковой

среде. Под вепской гидронимией имеются в виду наименования любого происхождения (вепского, русского, саамского, субстратного), функционирующие в вепской языковой среде. Для выявления структуры гидронима происхождение названия, т.е. языковой источник, к которому восходит топонима, не существенен. Независимо от этимологической прозрачности или затемненности географическое название оформляется по господствующим в вепском языке структурным гидронимическим моделям и с точки зрения структуры может классифицироваться как вепское.

Соответственно к русским гидронимам на уровне структурной классификации нами причисляются названия, находящиеся в русском — устном или письменном — употреблении и оформляющиеся по законам русского топонимического словообразования.

В разделе "Вепские структурные типы" рассмотрены словообразовательные особенности гидронимии вепского употребления. Основу вепской гидронимической модели составляют сложные гидронимы. Они состоят из детерминанта, выраженного географическими терминами *jogi ~ äögi ~ gögi* 'река', *järv ~ äärv ~ gärv* 'озеро', *oja* 'ручей', *so* 'болото' в форме номинатива единственного (редко — множественного) числа, и зависящего от него атрибута. Кроме того, отмечаются реликты употребления в роли детерминанта сложных топонимов термина *-aaga*, за которым в прошлом предположительно закреплялось гидрографическое значение 'ответвление, приток реки'. Об этом свидетельствует закрепление его в функции детерминанта сложных потапонимов (*kondisara*, *Куйсара*, *Лепсара*, *Поисара*), где, по правилам прибалтийско-финской двухкомпонентной структурной модели определяемый элемент обозначает разновидность называемого географического объекта. Косвенным подтверждением вепского происхождения детерминанта является функционирование его в названиях, атрибут которых этимологизируется из вепского языка. Что касается детерминанта *-jogi*, то он крайне редок в гидронимах Прионья. Наименования рек в подавляющем большинстве случаев представлены одноклассными структурами, являющимися результатом эллипсиса детерминанта *-jogi* (*sondal*, *kapš*, *pötk*).

Атрибутивный элемент сложных гидронимов выражен именем существительным (*kirvezjärv, regiso*), прилагательным (*kaidjärv, madaloja, lagedso*), редко местоимением (*ičemoijärv*) и причастием (*palanjärv* Δ *palandjärv). Незначительная группа гидронимов отличается от рассмотренной выше основной двухсоставной гидронимической модели сложным строением атрибута. Последний состоит из двух и более частей и представляет собой готовый топоним, перенесенный на искомый географический объект, с добавлением номенклатурного термина, обозначающего разновидность последнего: *hevosojärv, laikjärv|so*.

Основной грамматической формой атрибута является номинатив единственного числа. Генитивный атрибут, выступающий в основном в секундарных образованиях (*kurbarvenso* 'болото озера *kurbarv*, *kuržanso* 'болото в урочище *kurž*'), не характерен для гидронимов, являющихся, как правило, первичными по отношению к другим топонимическим классам.

Грамматическая цельноформленность сложных названий влечет за собой деатимологизацию элементов географического имени. Семантическое опрощение, в свою очередь, способствует фонетическим изменениям, происходящим на грани атрибута и детерминанта (*hukkär* Δ *huktär* Δ *hukdärv, rallär* Δ *raijärv Δ *paljärv Δ *palojärv, рус. оз. Палозеро). Значительным фонетическим изменениям подвергается номенклатурный термин, превращающийся в результате этого в топоформант *-ar(v) ~ -är(v) Δ -järv: süvär* Δ **süväjärv, redär* Δ **redujärv, -oi, -oi, -iä Δ -oja: čursi* Δ **čuroja, kuzijärv* Δ *kuzioja. Свидетельством превращения номенклатурного термина в топоформант служит явление эпексегезиса, заключающееся в добавлении к названию с гидроформантом, утратившим семантическую наполненность, номенклатурного термина, географически определяющего объект: *rogarjärv* (*rogar + järv*) Δ *rogar* Δ **rogojärv, sivoioja* (*sivoi + oja*) Δ *sivoja* Δ *siväoja.

Еще одна причина эпексегезиса заключается в утрате языком (диалектом) лексемы, функционировавшей в роли номенклатурного термина. Так произошло с географическим термином *mer, вышедшим из активного употребления. В результате его

смысл в гидронимах стал непонятен, что привело к эпексегезису, добавлению к названию поясняющего номенклатурного имени: *azikmerjǎrv*, *kikoilmerjǎrv*, *vađzarmerjǎrv*. В последнем примере к гидроформанту с рудиментом номенклатурного термина (-ar / -jǎrv) присоединяется *mer* в качестве "обязательного" гидроформанта.

Простые по структуре вепские гидронимы, состоящие из одного корня или корня и словообразовательного аффикса, немногочисленны. Подавляющее большинство их не является однокоренными по происхождению, а представляет результат трансформации сложных имен (*antik* / *antikjǎrv*, *põlc* / *põlcjǎrv*).

Гидронимия Приоятья не имеет своих специфических суффиксов. Суффиксация протекает вне топонимов, на апеллятивном уровне (*lepist* оз. / *lepist* 'ольшаник', *kuzom* оз. / *kuzom* 'ельник').

В целом простые по структуре вепские наименования преобладают среди названий рек (*tänuz*, *keiližm*). Остальные гидронимические классы представлены в целом сложными именами.

Раздел "Структурные особенности русской гидронимии" посвящен анализу гидронимии русского употребления. Она включает в себя как имена славянского происхождения (процент их незначителен), так и адаптированные вепские наименования.

Усвоение иноязычных гидронимов русскими говорами Приоятья проходило двумя способами. Первый - восприятие фонетического облика вепского оригинала. Предпосылкой к подобной адаптации названия являются особенности собственных имен, стоящих вне прямой связи с понятием и не поддающихся поэтому переводу. Для выполнения топонимом различительной функции важным оказывается не смысловая наполненность, а звуковая сторона наименования, которая и усваивается при заимствовании: Аштоя / *aštoja*, Вехкое / *venkoja*, Кильмуя / *kiilmoja*. Но при этом имя, попадая под воздействие фонетической и грамматической систем русского языка, приобретает соответственный фонетический и морфологический облик. Упомянутый способ адаптации иноязычной гидронимии характерен для наименований малых рек и ручьев и практически не представлен наименованиями других видов гидрообъектов. Некоторо-

рые транскрибированные лимнонимы известны лишь на письменном уровне заимствования (Виарь оз. $\angle$ vijárŭv, Коверьярвь оз. $\angle$ koverjárŭv) и противоречат установившейся в Прионье устной традиции для заимствованных русским языком лимнонимов, имеющих двухсложную структурную модель на -озеро.

Второй способ адаптации - образование имен-калек, представляющих собой перевод - частичный или полный - заимствованного имени с сохранением структурного облика последнего. В результате калькирования образуются имена-гибриды с введенным детерминантом: Габозеро $\angle$ habjárŭv, Каятручей $\angle$ kajatoja, Гавдболото $\angle$ haidso. Полные кальки, в которых переведены оба элемента заимствованного названия, менее распространены (Долгозеро $\angle$ pitkjárŭv, Мостболото $\angle$ süudso). В случае переводимости атрибутивного элемента в русском языке легче образуются простые по структуре названия, функционирующие по нормам топонимической системы языка-преемника: Долгий Мох $\angle$ pitkso, Каменное озеро $\angle$ kivijárŭv.

При описании структуры русской гидронимии исследуемого ареала надо иметь в виду, во-первых, исключительно сильное воздействие прибалтийско-финской гидронимической структуры на облик русских гидронимов, во-вторых, тот факт, что Прионье - не исконно славянская территория. На фоне общего славянского гидронимического типа русская гидронимия Ояги и прилегающих территорий сравнительно молода. Многие русские словообразовательные типы, особенности употребления формантов сформировались у осваивавших Север новгородцев уже до прихода на Оять и функционировали тут уже в качестве готовой модели для наименования, с затемненным значением.

Пути формирования русской по употреблению гидронимии бассейна р. Ояги обусловили и ее основные структурные типы. В структурной классификации выделяются простые и сложные названия, а также гидронимы-словосочетания. Среди простых наименований выделяются непрямые имена, состоящие из корня и родового окончания (Ченжа р., Лухта руч., Палая р., Мох бол.), а также образования, в состав которых входит корень и словообразовательный суффикс существительного или прилагательного, присоединяющийся как к славянской, так и к

иноязычной по происхождению основе. Выбор формантов, используемых в русской гидронимии Приоктя, ограничен. Ведущее значение принадлежит суффиксам позднего происхождения:

- ский/-ское, -цкий/-цкое (Барское бол., Гонгинское оз.)
- ов/-ев, -ин (Борисов руч., Симино оз., Куйвин руч.)
- ка (Сарка р., Дубложка р.)
- овый/-евый, -ный (Мочальное бол., Межевой руч., Вадожное оз.)

Более древние славянские суффиксы практически не получили распространения, что связано со временем русской колонизации исследуемого региона.

Другой распространенный способ словообразования - словосложение. Он представлен наименованиями, заимствованными из вепского языка путем перевода с образованием калек (Кюбручей $\angle$ kivoja, Долгозеро $\angle$ pitkjarv), а также созданными на русской почве под воздействием прибалтийско-финской словообразовательного типа двухчленными наименованиями. Слово-сложение наиболее характерно для лимнонимов.

Незначительное количество русских гидронимов представлено словосочетаниями местного географического термина или собственно топонима с определяющим его словом (Черная Корба оз., Холодное Колозеро оз.).

В целом с точки зрения закономерностей словообразования русская гидронимия Приоктя входит в один ряд с топонимией Русского Севера.

Во второй главе "Стратиграфия гидронимов бассейна реки Ояти" выделяются историко-генетические пласты наименований водных объектов Приоктя.

Выделение стратиграфических пластов сопряжено с рядом объективных трудностей: отсутствие специальных исследований по истории формирования вепской лексики, нерешенность многих вопросов этнической истории и этногенеза саамов. Определенные сложности вызваны фонетической и грамматической адаптацией топонимов усвоившим их языком, всякого рода пересмыслениями, ложными этимологиями. Наконец, не вполне удовлетворительны существующие семантические классификации топонимов, так что семантический признак, столько важный в

формировании системы географических имен, зачастую не может быть использован для выяснения происхождения наименования или при опоре на него может привести к ложным результатам.

Для выяснения происхождения топонима необходимо найти его апеллятивный этимон. Для значительного числа названий связь с апеллятивом налицо. Однако в целом ряде географических имен, в особенности в устойчивых во времени гидронимах, она затемнена и восстанавливается лишь на основе этимологического анализа. В отличие от лексической этимологии, имеющей своей целью установление происхождения слова, топонимическая этимология сводится к обнаружению апеллятивного соответствия для собственного имени. Причины утраты связи онамастических элементов с породившими их апеллятивами заложены в самой природе собственных имен, для которых семантическая наполненность несущественна. Это приводит к тому, что в процессе самостоятельной жизни географическое название, легко поддающееся фонетическим изменениям, унифицирующему воздействию того класса имен, в который оно попало, все больше отдаляется от своего этимона. Топоним, не связанный лексической стороной, продолжает функционировать и в случае утраты языком (диалектом) породившего его апеллятива.

Этимологизация топонимов проводится с привлечением данных родственных и контактирующих языков. Истинность установленной топонимической этимологии проверяется ее соответствием географической характеристике объекта, а также семантической мотивированностью.

Двуязычная по употреблению гидронимия Приотья с точки зрения происхождения многослойна.

Самым верхним, поздним по происхождению является русский пласт наименований. Начало формирования его относится к XI-XII вв., т.е. ко времени проникновения новгородских славян на Свирь и ее притоки. В настоящее время гидронимы русского происхождения располагаются в районах русского заселения, в низовьях и среднем течении Ояты. В большинстве своем это функционирующие на микротопонимическом уровне наименования незначительных по размерам реалий: ручьев, небольших озер, болот. Языковая принадлежность их определяет-

ся без труда, поскольку этимонами служат апеллятивы, живые в современном языке или говоре (Студенец руч., Ольховое оз., Долгая Лужа бол.).

Выделяя гидронимы с русскими этимонами, следует отметить, что некоторые из них представляют собой перевод соответствующих вепских оригиналов (Мутнозеро $\angle$ *mudagrv*, Кривоозеро $\angle$ *vāražjāgrv*). Следует проявлять осторожность и в причислении к русскому пласту тех наименований, апеллятивные соответствия которых хотя и известны в русских говорах Приожья, но проникли в последние из вепского языка (Корбозеро, ср. корба; Сельгручей, ср. сельга). Надо полагать, перед нами заимствование на топонимическом уровне с характерным для заимствованных географических имен переводом на русский язык детерминанта.

Русскому пласту предшествует и частично с ним сосуществует вепский пласт наименований. Вепское происхождение подавляющего большинства гидронимов этого пласта не вызывает сомнений. Структура и семантика их оправданы с точки зрения системы прибалтийско-финских языков и их ономастических традиций. Вепские апеллятивы, лежащие в основе гидронимов, выступают достаточно прозрачно как в названиях вепского (*ahvoja*, *habjāgrv*, *mađalso*), так и русского (Гейнозеро, Каданболото, Кивручей) употребления. Однако в топонимах закрепились и такие лексемы, которые уже утрачены на территории распространения вепского языка или средневепских говоров. Этимологический анализ топонимов, проводимый на широком сопоставительном фоне, с привлечением данных всех вепских диалектов, других прибалтийско-финских языков, а также севернорусских диалектов, позволяет в ряде случаев выявить утраченный вепский источник наименования. Особенно плодотворны такие изыскания в области местной географической терминологии, где истинность установленной топонимической этимологии может быть подтверждена географической характеристикой объекта. Имеющийся в нашем распоряжении топонимический материал позволяет восстановить несколько вепских ландшафтных терминов. Среди них *vadag-* ~ *vadag*, широко распространенный в наименованиях рек и болот Приожья

(*vadag, vadaso*, Вадога и др.) и сопоставимый с финским *vataja*, обладающим широким спектром значений, которые объединяются вокруг смыслового стержня 'сырое болотистое место'. Данное сопоставление находит подтверждение как в самом характере географических реалий, так и в существовании в русских говорах Приожья и прилегающих территорий местного географического термина *вадога*, обозначающего болотистое место. В это же семантическое гнездо входят и не интерпретируемые из современных вепских говоров топоосновы *land-* (*landjätv, landoja*, Ландозеро), соотносимый с финским *lanto* 'сырая низина, лужа', *lem-* (*lemjätv, lemoja*, Лема р.), который функционирует в качестве самостоятельной лексемы в некоторых родственных прибалтийско-финских языках, и др.

Относительно происхождения топоосновы *кик-* в литературе высказывались разные предположения. Предлагаемая нами этимология основывается на том, что в Приожье она закреплена в наименованиях возвышенных участков местности, а в гидронимах зачастую вторична. Географическая характеристика, а также материал родственных прибалтийско-финских языков дает основание для предположения о закреплении за рассматриваемой вепской топоосновой значения 'возвышенность, холм, горка'.

Некоторые примеры этимологического анализа топооснов, входящих в другие лексико-семантические гнезда, приведены в главе III.

В целом, представляя собой самый мощный стратиграфический пласт в гидронимии бассейна р. Оны, вепская гидронимия неравномерно распределяется по видам географических объектов. Она малочисленна в наименованиях рек. Названия же менее значительных гидрографических единиц — небольших лесных речек, ручьев, озер, болот — в подавляющем большинстве имеют вепское происхождение.

Наиболее древним из достоверно определяемых слоев гидронимии Приожья является саамский. Критерием для его выделения служит наличие достаточно убедительных этимологий из живых саамских говоров, т.е. обнаружение саамских апеллятивов-этимонов, а также существование соответствующих топо-

нимических параллелей среди названий на современной территории проживания саамов. Выделяя названия саамского происхождения, следует обратить внимание на сложность в разграничении саамских и прибалтийско-финских наименований, вызванную значительным общим словарным фондом этих языков и заимствованиями из одного языка в другой (ср. названия *līdzs, čogar, čurjārv*). Не исключена возможность того, что часть топонимов, причисляемых нами к вепсскому – шире прибалтийско-финскому – пласту, имеет в действительности более древние истоки, восходя к общему прибалтийско-финско-саамскому периоду или к саамскому пласту. Мы исходим из того, что бесспорно саамское происхождение имеют топонимы, основывающиеся на субстратной саамской лексике.

В целом в бассейне р. Ояти нами зафиксировано около 70 гидрообъектов с наименованиями саамского происхождения. При этом в семантическом отношении гидронимы саамского происхождения достаточно однородны. Подавляющее большинство их содержит ландшафтный термин, в котором получила отражение географическая характеристика гидрообъекта и прилегающей к нему территории (*čoiŋjārv, vađžug, Коткозеро*). С отражением природного фактора связаны и географические имена, этимонами которых послужили наименования представителей животного и растительного мира (Вашсуса р., Печенское оз., Рокса бол.), а также качественные имена, заключающие в себе указание на характерное свойство, признак объекта (Кукасозеро).

Гидронимы саамского происхождения равномерно распределены по территории бассейна р. Ояти, встречаясь как в верховьях, так и в нижнем течении реки и ее притоков. Значительная часть их закреплена за наиболее крупными по размерам и важными в хозяйственной деятельности человека гидрообъектами – реками и озерами. Количество ойконимов и микротопонимов, интерпретируемых из саамского языка, незначительно.

К самому нижнему, субстратному пласту наименований относятся гидронимы, которые с точки зрения своего происхождения не могут быть причислены к трем вышеустановленным стратиграфическим пластам и принадлежат неизвестной древней

этнической общности (или общностям). Для многих из субстратных гидронимов Прионья обнаруживаются аналогии в гидронимии северных районов Европейской части СССР, а для некоторых и в названиях Сибири (Викшеньга, Капша, Курба, Кузра, Сондала, Тукша, Ухтое, Шадьма, Шидра, Шокша и др.).

Вопрос об этнической принадлежности носителей древнейшего пласта гидронимии Европейского Севера до сих пор далек от разрешения. Существует несколько гипотез ее происхождения. Наиболее устоявшейся является финно-угорская теория, предлагающая для субстратной гидронимии Русского Севера прибалтийско-финскую, волжскую и угорскую интерпретацию. Интерес представляет волжско-финская гипотеза, согласующаяся с данными археологии о заселении Прионья из районов Верхневолжья. Некоторые гидронимы исследуемой территории допускают интерпретацию из волжско-финских языков (Викша р., Шокша р.). Небезынтересна также угорская гипотеза, сопоставимая с данными о заселении севера Европейской части СССР с востока.

Приверженцем дофинно-угорской гипотезы происхождения субстратной топонимии Европейского Севера является Б.А.Серебренников, причисляющий гидронимы на -га, -ма, -ша и другие "речные суффиксы" к волго-окской топонимике неизвестного языкового происхождения. У этой гипотезы, однако, много противников, как в вопросе об этнической принадлежности волго-окского населения, так и в методе выделения "речных суффиксов". Тем не менее, мы считаем правомерным само предположение о существовании дофинно-угорского пласта в гидронимии Европейского Севера, тем более, что археологические и лингвистические (наличие нефинно-угорских черт в языке саамов, к примеру) данные подтверждают раннее, дофинно-угорское заселение искомого региона.

В целом же представляется, что субстратный пласт стратиграфически неоднороден и включает в себя элементы, восходящие к разным этнолингвистическим источникам. Надо полагать, что дальнейший сбор и исследование топонимического материала позволят сделать более определенный вывод о древних пластах топонимии Севера, в том числе и Прионья.

В третьей главе "Семантические типы вепской гидронимии в бассейна р. Ояти" подвергнут лексико-семантическому анализу самый значительный стратиграфический пласт наименований Приоятья - вепский. Обращение к семантической классификации вызвано значением ее результатов для решения интра- и экстралингвистических задач. Подобная классификация чрезвычайно важна для выявления смысловых критериев топонимической этимологии.

Семантический анализ проводился с учетом того, что название вызывается к жизни практической деятельностью человека. При происхождении оно мотивировано, и содержание топонимического этимона в конечном счете зависит от места, времени появления топонима и от уровня общественного развития его творца.

Помимо историко-хронологической обусловленности важным при выборе исходного апеллятива оказывается сама топонимическая система, законы ее функционирования. Топоним возникает в ряду других географических имен. Называя объект, имя индивидуализирует его. В качестве основы номинации избирается признак, отличающий объект от подобных. Однако выбор дифференцирующего определения происходит на основе, в рамках имеющихся семантических моделей. Влияние семантических моделей на процесс номинации особенно наглядно в существовании антонимичных пар наименований (*mustjärv - vougedjärv*, Зимник оз. - Летник оз.).

Географическое название - явление общественное. При этом в одних наименованиях человек и его жизнедеятельность находят непосредственное отражение, в других же характеризующих физико-географические условия, творец названия присутствует на втором плане и проявляет себя через выбор признака, лежащего в основе номинации. В связи с этим представляется возможным выделить среди первичных (отапеллятивных) вепских гидронимов две основные семантические группы: 1) названия, отражающие физико-географические особенности объекта; 2) наименования, непосредственно связанные с практической деятельностью человека. В каждой из этих групп может быть, в свою очередь, выделен ряд подгрупп.

Рассмотрим подробнее географические названия, относящиеся к первому разряду.

Примерно 30% вепских гидронимов Приольтя образованы на основе ландшафтной терминологии (johtoja $\angle$ joht 'старича', karđazgärv $\angle$ karđaz 'бор, сухое возвышенное место', povaso $\angle$ pova 'трясина, топь', Salma p. $\angle$ salm 'пролив'). Часть названий, входящих в рассматриваемое семантическое гнездо, характеризуется затемненной внутренней формой на вепской почве, что вызвано выпадением лексем -этимонов из современных вепских говоров (Лавнозеро, Пудас р.). Лексика, испытывающая влияние экстралингвистических факторов, больше других уровней языка подвержена изменениям во времени. Географические термины, обозначающие жизненно важные для общества охотников и рыболовов понятия, выходят из употребления с переходом населения к земледелию. И в целом, чем теснее непосредственная связь человека с природой, тем разнообразнее и детальнее лексика языка, характеризующая явления окружающей среды. С развитием общества, с изменением видов деятельности необходимость в такой детализации отпадает.

Относительная бедность зафиксированной различными источниками, прежде всего, словарями, вепской ландшафтной терминологии, может объясняться еще и тем, что она, как, впрочем, и вся вепская лексика, поздно стала объектом лингвистического сбора и исследования. В этой ситуации топонимические свидетельства оказывают неоценимую помощь, донося до нас закрепившиеся на более ранних ступенях развития общества в местных названиях географические термины.

В некоторых географических именах, прежде всего, лимнонимах, нашло отражение местонахождение географического объекта на местности по отношению к другим объектам, служащим в данном случае своеобразным ориентиром (алаhjärv $\angle$ алаh 'низ, нижний', сираja $\angle$ сира 'край, сторона', рeгjärv $\angle$ рeга 'дальний, противоположный конец какого-либо пространства'). В названии оз. väljärv (Вялезеро) можно предполагать утраченный вепский источник, сопоставимый с фин. лед. väli 'промежуток'. Сопоставление подтверждается географически.

Значительное число наименований содержит указание на представителей животного (ahvoja ∟ ahven 'окунь', kondijärv ∟ kondi 'медведь', rebciso ∟ reboi 'лиса', Сявнега руч. ∟ säune 'язь') и растительного (Гонга р. ∟ hochg 'сосна', koivoja ∟ koiv 'береза', mustikso ∟ mustik 'черника', rogar ∟ rogo 'камыш, тростник, рогоз') мира.

В группу названий, отражающих физико-географические особенности местности, входят так называемые качественные имена, характеризующие особенности гидрообъекта: его форму (kaidjärv ∟ kaid 'узкий', pitkjärv ∟ pitk 'длинный'), размер (enärв ∟ enä- 'большой', vähärvut ∟ väha(n) 'мало, немного', т.е. Малое озеро), глубину (madaljärv ∟ madal 'мелкий', sivoja ∟ sivä 'глубокий'), цветовую характеристику (mustar ∟ must 'черный', Вигонда бол. ∟ vihänd 'зеленый'), состав почвы (kivar ∟ kivi 'камень', Летои руч. ∟ led 'песчаный'), другие особенности. В подавляющем большинстве случаев качественные названия находят подтверждение в географической характеристике реалии.

Среди названий второй группы, отличающихся тем, что в них человек и его жизнедеятельность получают непосредственное отражение, выделяется, прежде всего, подгруппа антропонимических гидронимов. В основе этой незначительной в количественном отношении группы наименований лежат усвоенные вепским языком русские церковные личные имена: juvanso ∟ juva, рус. Иван, ontonajärv ∟ onton, рус. Антон, rousoja ∟ rouso, рус. Павел. Следов дохристианских вепских антропонимов не обнаружено. Этот факт может быть связан с тем, что ко времени установления частнособственнических отношений на землю, отражающихся в антропонимических топонимах, вепские личные имена были в массе своей уже утрачены.

В названиях, отражающих хозяйственную деятельность человека, закрепилась лексика земледелия (kaškoja ∟ kašk 'подсека', raälärv ∟ raalo 'огнище, сожженная подсека', Пелдозеро ∟ reld 'поле'), рыболовства (padarв ∟ pado 'закол для ловли рыбы в реке, запруда'), охоты (ridaso ∟ rida 'силоч, ловушка для птиц'), других видов практической деятельности (ligoso ∟ ligo 'мочило', tervoja ∟ terв 'смола').

Полезную этнографическую информацию содержит также небольшая группа гидронимов, в которых закрепились названия жилищных и хозяйственных построек (*pertoja* $\angle$ *per't* 'изба, дом', *rihjärv* $\angle$ *rih* 'овин, рига', *rindajäso* $\angle$ *rindaid* 'осек'), путей и средств передвижения (*regiso* $\angle$ *regi* 'са-ни', *süüdsö* $\angle$ *süüd* 'мост, мостки'), различных предметов быта (*humbarso* $\angle$ *humbar* 'стуга', *kirvezjärv* $\angle$ *kirvez* 'топор').

В целом гидронимы, связанные с отражением материальной жизни, хозяйственной деятельности человека, немногочисленны и уступают в количественном отношении наименованиям первой группы. Объяснение следует искать в том, что названия природных объектов, каковыми являются гидрографические реалии, в отличие от искусственных в подавляющем большинстве случаев отражают как раз характер, особенности географического объекта. К тому же система водных названий в целом достаточно устойчива, в незначительной степени подвержена изменениям во времени. Поэтому сохраняются наименования, данные на более ранних ступенях развития общества, когда, как известно, преобладающее значение для номинации имел природный фактор. Названия, отражающие жизнедеятельность человека, закрепляются в основном за второстепенными по значению и незначительными по размерам гидрообъектами.

Около одной трети вепских гидронимов Прионья представлено вторичными, оттопонимическими образованиями, ожившимися в результате метонимического переноса готовых названий на смежные объекты (*šarjärv* $>$ *šarjärvso*, *kurbarv* $>$ *kurbarvjogi*). Интересно проследить распространение вторичных по образованию наименований по классам гидрообъектов. Оказывается, что вторичные названия более характерны для болот и ручьев, редки в лимнонимах и практически отсутствуют в названиях рек. Это связано с характером самих называемых объектов и оправдано их ролью в жизнедеятельности человека. В целом же среди гидронимов вторичных наименований меньше, чем в других разрядах топонимов. Метонимический перенос гидронима на смежные орографические объекты — обычное явление, обратный же процесс крайне редок. В гидронимии образование вторичных имен чаще всего происходит в ре-

результате переноса наименований одних гидрообъектов на другие. Наименование реки занимает место атрибута в названии озера — истока реки, лимнонимы, в свою очередь, являются производящей основой для наименований ручьев и болот.

По функции, выполняемой атрибутивным элементом, указанные выше семантические группы можно свести к трем ведущим типам: 1) Качественные имена, заключающие в себе характеристику присущих гидрообъекту свойств, особенностей. Стабильностью гидронимии и первичностью ее по отношению к другим топонимическим классам определяется преобладание среди гидронимов наименований качественного типа.

2) Локативные имена, отражающие местонахождение объекта непосредственно или путем привязки к какому-либо другому объекту, служащему в этом случае своеобразным ориентиром. Локативный тип менее характерен, чем качественный, поскольку сами гидрообъекты, географически более заметные, с устойчивыми наименованиями, чаще всего служат теми ориентирами, относительно которых определяется расположение других объектов. Они — своеобразный центр, вокруг которого группируются другие, менее значительные географические реалии.

3) Посессивные имена, выражающие принадлежность определенному лицу, коллективу лиц, названному в атрибуте. Таких гидронимов единицы.

Трудности в отнесении названий к тому или иному типу вызваны тем, что мотив номинации в большинстве случаев забыт. Даже в случае этимологической прозрачности атрибутивного компонента причины, обусловившие его выбор, могут быть не ясны. Поэтому классификация в целом несколько условна.

Семантическая характеристика русской топонимической лексики в целом схожа с семантикой венских гидронимических этимонов. Различия заключаются в основном в продуктивности отдельных семантических типов. Наблюдающееся сходство в семантике венской и русской гидронимии обусловлено во многом переводным характером значительного числа русских гидронимов бассейна р. Ояги.

О семантической характеристике саамской гидронимии Приоятья судить в настоящее время сложно, т.к. мы располагаем лишь незначительным числом наименований, саамское происхождение которых несомненно. Их этимонами в подавляющем большинстве случаев выступает ландшафтный термин.

По материалам диссертации опубликованы следующие статьи и тезисы:

1. Муллонен И.И., Антропонимическая микротопонимия с. Шелт-озеро. - Вопросы финской филологии. Петрозаводск, 1979, с. 77-87.
2. Муллонен И.И., О некоторых формантах гидронимии бассейна р. Ояти. - Прибалтийско-финское языковедение. Вып. 6, Л., 1981, с. 81-87.
3. Муллонен И.И., Структурные типы микротопонимов. - Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982, с. 24-28.
4. Муллонен И.И., Географические названия как исторический источник (Саамская гидронимия бассейна р. Ояти). - Актуальные проблемы общественных наук. Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов (октябрь 1982). Петрозаводск, 1982, с. 71-72.
5. Муллонен И.И., Вепская ландшафтная терминология в гидронимии бассейна р. Ояти. - Советское финно-угроведение, 1983, № 1.
6. Муллонен И.И., К этнической истории Приоятья (По данным топонимики). - Актуальные вопросы изучения экономического и культурного развития Европейского Севера СССР. Тезисы докладов III зональной научно-теоретической конференции. Архангельск, 1982, с. 82-84.

Муллаев Ибрагим Иванович.
ГИДРОНИМИЯ БАССЕЙНА РЕКИ ОЯТИ.
Автореферат диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических наук.
На русском языке.
Тартуский государственный университет,
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Юликобли, 18.
Подписано к печати 24.03.1983.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов I, 32.
Печатных листов I, 5.
Тираж 150.
Заказ № 334.
Бесплатно.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.